

Глава четвертая

МНИМЫЙ НЕКРАСОВ?

Чем успешнее идет процесс восстановления во всем объеме журнальных выступлений Некрасова, тем острее встает перед нами вопрос о достоверности атрибуций — новых и старых. Каждое новое произведение, вошедшее в научный оборот и признанное некрасовским, сразу становится отправным для последующих поисков. Произведение, когда-то ошибочно приписанное Некрасову, может стать источником целого ряда других ошибочных «открытий» — по сходству или совпадению суждений, автоотсылкам и т. д.

Значительная часть критико-библиографических материалов Некрасова первой половины 1840-х годов указана, как известно, В. П. Горленко в его статье «Литературные дебюты Некрасова». Горленко опирается на поздние свидетельства Ф. А. Кони и данные хранившихся тогда у бывшего редактора конторских книг «Литературной газеты». Строго говоря, свидетельство Горленко, как и последующие указания С. И. Пономарева и А. Н. Пыпина, при отсутствии в нашем некрасоведческом хозяйстве самих конторских книг газеты, оставляет все же некоторые сомнения.

«Приходится признать,— читаем об этих свидетельствах в преамбуле к комментарию тома критики академического издания Некрасова,— что эти немногочисленные и не во всем точные, не всегда поддающиеся проверке свидетельства современников в ряде случаев остаются единственными основаниями для атрибуции» (Н15, 11, кн. 1, 356).

Разумеется, сомнения могут вызывать не только принятые таким образом атрибуции критико-библиографических материалов, но и других произведений. Приведу несколько примеров сомнительных, на мой взгляд, свидетельств и текстологических решений.

1

Авторство Некрасова в водевильных сценах из журнальной жизни «Утро в редакции» кажется специалистам столь бесспорным, что ни в двенадцатитомнике, ни в академическом издании нет ссылки на источник сведений об авторской принадлежности. А источник — свидетельство Горленко: «Не лишены также интереса помещенные в № 15 и 16 „Литературной газеты“ водевильные сцены из журнальной жизни „Утро в редакции“, не подписанные, но принадлежащие, несомненно, Некрасову, по указанию г. Кони. Здесь выведен редактор „Литературной газеты“ под именем Семячко и сам автор, сотрудник его, под сокращенным его псевдонимом Пельский. Содержание сцен — невзгоды редакторской жизни, возня с непрошенными сотрудниками, считающими себя гениями и ужасно самолюбивыми, с провинциальными подписчиками, актерами, об игре которых газета давала отчет и проч. Есть тут много и других куплетов с намеками на журнальную перебранку того времени, в которой отличается преимущественно доблестный Булгарин, особенно невзлюбивший Некрасова и старавшийся не раз всячески навредить ему»¹.

Сомнение в точности этого свидетельства возникает прежде всего в связи с другим «указанием» Ф. А. Кони. Дело в том, что все куплеты из этого водевиля, переписанные рукой Кони с указанием места публикации, помещены им в особую папку с другими куплетами из водевилей Кони. Эта папка хранится в фонде Кони в Рукописном отделе Пушкинского Дома².

По всей вероятности, над водевилем «Утро в редакции» работали два автора: Кони и Некрасов. И это нетрудно объяснить. Кони, как известно через того же Горленко, прихотничивал Некрасова в начале их сотрудничества к работе в разных литературных жанрах. Учитывая, что «Утро в редакции» первый опыт Некрасова в драматическом жанре (если не считать так называемых «детских» водевилей, не предназначавшихся для печати) и редакционный характер этой публикации вообще, соавторство Кони здесь было почти неизбежно. Естественно, что как опытный водевилист и бойкий куплетист, Кони взял на себя куплеты — ударные моменты в произведении.

Расположенность Некрасова к коллективной работе над водевилями общеизвестна. Сотрудничество с Кони в начале 1840-х годов естественно. Это, кстати, подтверждается начальными строками письма Некрасова к Кони от 2 апреля 1842 года: «Почтеннейший Федор Алексеевич! Вот к Вам еще весьма важная просьба. Мы начали с П. Н. Григорьевым для его бенефиса комедию-водевиль в 4-х актах

¹ Горленко В. Литературные дебюты Некрасова // Отечественные записки. 1878. № 12. Отд. II. С. 154

² ИРЛИ. ф. 134. оп. 5. ел. хр. 11.

под названием „Столбиков“ в полной уверенности, что Вы не откажетесь также написать акт или хоть сцены две-три» (Н12, 10, 34).

В работе над «Столбиковым», как известно, Кони не участвовал. Однако это не означает, что такое сотрудничество не состоялось ранее.

2

Приводившееся свидетельство Некрасова о его субаренде у Краевского «Литературной газеты» («Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, а сдал мне всего за 6000 р. в год») относится не только к 1844, но и 1845 году.

«В газете был отдел „Дагерротип“,— вспоминает Некрасов далее.— Весь он исписывался мною и в стихах и в прозе. Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов» (Н12, 12, 13).

Постоянный отдел «Дагерротип» возник в «Литературной газете» в 1845 году. Специалисты давно уже установили, что указание Некрасова на принадлежность ему всех материалов «Дагерротипа» не следует принимать буквально. В 1846 году Некрасов печатно заявил, что с апреля 1845 года он не принимал «даже ни малейшего участия» в «Литературной газете» (Н12, 12, 33). Именно с апреля Краевский передал редакцию газеты снова Ф. А. Кони. Первое, не вполне определенное объявление об этом находим в маленькой заметке «От редакции», помещенной в № 17 газеты: «Всех, имеющих какое-нибудь дело до «Литературной газеты», просят относиться к Ф. А. Кони в редакцию газеты, находящуюся близ Вознесенского моста, в Вознесенском переулке, в доме Штакельберга»³.

Позднее Краевский объявил в «Отечественных записках», что газета, переданная в управление Кони, перестала быть «отголоском» его журнала⁴.

Неточность свидетельства Некрасова о доле его участия в «Дагерротипе» была указана впервые Б. Я. Бухштабом, автором статьи «Некрасов-фельетонист»⁵ и редактором пятого тома Полного собрания сочинений Некрасова в двенадцати томах. Именно в этом томе впервые были собраны прозаические материалы «Дагерротипа», принадлежавшие Некрасову.

Принадлежность Некрасову некоторых материалов «Дагерротипа» («Отчеты по поводу Нового года», «Говорун», «Записки Пружинина» и др.) легко устанавливаются по его псевдонимам и фельетонным маскам,

³ Литературная газета. 1845. 10 мая. № 17. С. 304.

⁴ См.: Отечественные записки. 1845. № 11. Отд. VI. С. 33.

⁵ См.: Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 48.

по связи с другими известными произведениями писателя. Эти материалы вошли в двенадцатитомное издание Сочинений Некрасова.

Из множества других анонимных материалов «Дагерротипа» января—марта⁶ Б. Я. Бухштаб выбрал несколько юмористических стихотворений и мелких заметок, не имеющих отчетливых признаков принадлежности Некрасову. Прозаические материалы были помещены в отделе «*Divia*» названного выше пятого тома Полного собрания сочинений Некрасова. При отборе этих материалов редактор ориентировался главным образом на собственную интуицию.

Мне кажется, что в некоторых случаях были допущены ошибки. Я имею в виду два небольших юмористических фельетона, вошедших в этот том: «Остроумные надписи» и «Провинциальные афиши». Поводом для моего сомнения в принадлежности этих материалов Некрасову, помещенных соответственно в № 1 и 2 «Литературной газеты» 1845 года, послужило характерное выражение «списывать с дипломатической точностью», встречающееся в обоих фельетонах.

В «Остроумных надписях»: «Вот, для образчика, надписи, списанные нами с дипломатической точностью со стены одного станционного дома...» (Н12, 5, 578).

В «Провинциальных афишах»: «Вот две провинциальные афиши, которые еще не из самых лучших. Они списаны с дипломатической точностью» (Н12, 5, 579).

Это выражение встречается в одном из фельетонов Ф. А. Кони под рубрикой «Журналистика» в «Литературной газете» 1842 года, подписанном его инициалами «Ф. К.»: «В Москве был на днях бенефис известного комика Живокини, в котором, между прочим, игралась пьеса под названием „Репетиция после спектакля — бенефиса Живокини“. Заглавие замысловатое. <...> Впрочем, в бенефис г. Живокини шла, так сказать, вещь, которой заглавие еще замысловатее. *Выписываем его с дипломатической точностью*»⁷ С. 1007. Во всех трех цитатах курсив мой.— Б.М.

Это же выражение мы встречаем в одном из фельетонов «Журнальные отметки» «Русского инвалида» 1844 года. Литературный отдел этой газеты редактировался А.А.Краевским, который привлек к участию в ней сотрудников «Отечественных записок» и «Литературной газеты». Автор названного фельетона цитирует фрагмент объявления циркового артиста Сулье, написанного на трех языках и «на каждом грамотно». «Слушайте!» — говорит автор фельетона.— Будем выписывать с дипломатической точностью». (Русский инвалид. 1844. 31 марта. № 70. С. 278). На основании тематической близости фельетона с фельетоном Некрасова «Хроника петербургского жите-

⁶ С конца марта до начала мая (№ 12—15) 1845 г. отдел «Дагерротип» в «Литературной газете» отсутствует.

⁷ Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49.

ля» (Литературная газета. 1844. 6 апреля. № 13) Б.Я.Бухштаб отнес этот фельетон Некрасову (Бухштаб Б.Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966 С. 64—65). Вероятнее всего, здесь автор — Ф.А.Кони, который в отличие от Некрасова легко мог обнаружить ошибки Сулье «на трех языках». Впрочем, авторам этого фельетона мог быть и Белинский, также пользовавшийся выражением «с дипломатической точностью» (Б, XII, 125)..

Сомнения в принадлежности Некрасову «Остроумных надписей» и «Провинциальных афиш» и предположение об авторстве Ф. А. Кони сменяются уверенностью после знакомства с другим фельетоном, подписанным инициалами «Ф. К.» под заголовком «Шмели». Одна из главок этого фельетона, так же как и заметка «Провинциальные афиши», посвящена провинциальным (московским) вывескам: «Московские вывески исстари славилась своей замысловатостью. Но всепожирающее время не щадит самых драгоценных даров остроумия. Многие из вывесок, красовавшихся за семь лет, ныне уже не существуют. Так исчезла вывеска на Никольской: „Портной Иван Доброхотов, из иностранцев“. У Сретенских ворот также не видно уже глубокомысленной надписи: „Здесь гробы делают, обивают и напрокат отпускают“. Даже у Московецкого моста исчез портной, который рекомендовался публике с двух улиц; от набережной на вывеске красовалась надпись: „Пантикулярный Трофим“; от Гостинного двора: „Военный Прохоров“...»⁸.

Если Кони сотрудничал в «Литературной газете» с самого начала 1845 года, то наиболее естественным его «амплуа» здесь следует считать театральные обзоры и фельетонные обозрения. В одной из статей под рубрикой «Театральная летопись. Александринский театр», где рецензируется «Драматическое представление» Н. А. Полевого «Волга и Сибирь», мы находим еще одну «дипломатическую точность»: «Мы передадим,— говорит автор статьи,— все содержание *граматического представления* г. Полевого с дипломатической точностью...»⁹.

Еще одну «примету» Кони мы находим в фельетоне «Петербургская хроника», где рецензируется сборник В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня». «Последний рассказ „Собачка“,— пишет фельетонист „Литературной газеты“,— принадлежит самому составителю сборника. Рассказ этот, верный тип некоторых уездных лиц, известен нам очень давно. Мы слышали его еще в Москве, в том же самом живом,

⁸ Литературная газета. 1842. 24 мая. № 20. С. 419. Влияние этих публикаций Кони ощущается в «Петербургских углах» Некрасова (1845), где есть сходное описание: «В глазах у меня запестрели отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: *делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов...*» (Н15, 7, 333)

⁹ Литературная газета. 1845. 22 марта. № 11. С. 197.

драматизированном виде из уст умнейшего и талантливейшего русского актера»¹⁰.

Кони — коренной москвич. Живя в Петербурге с 1836 года, он часто выезжал на лето в Москву, и приведенное свидетельство можно с большой долей уверенности атрибутировать ему.

3

В конце «Литературной газеты» № 1 за 1844 год помещена небольшая статья под заглавием «Разные разности». Она содержит не замеченный до сих пор отзыв на одно из анонимных стихотворных произведений Некрасова и кажется совершенно неуместной рядом со статьей Некрасова «Взгляд на главнейшие явления...».

«...Г-н Карл Шульц, показывающий восковые фигуры, видно, посетителей вовсе не имеет,— пишет автор, переходя к Шульцу от обзора других петербургских балаганов,— потому что решился на такую штуку, которую может внушить только отчаяние. Недавно он выпустил объявление, написанное плохими виршами, где поминаются великие люди, которых слепки имеются у г. Шульца, ужасными комплиментами и невыносимыми остротами»¹¹.

Фельетонист приводит далее фрагменты текста «Кабинета восковых фигур», посвященные «Вильгельму Васильевичу Телю», Канту и Фридриху Великому.

«...В объявлении по крайней мере пятьсот стихов,— саркастически замечает далее автор фельетона.— С какой целью оно написано? Неужели г. Карл Шульц думал таким способом заманить публику в свой кабинет?...»¹²

Зачем Некрасову, фактическому редактору «Литературной газеты», понадобилось помещать в ней заметку, совсем не обязательную в этом издании? Может быть, ее автор — человек, статью которого Некрасов не мог не принять,— например Белинский? А может быть, Некрасов не был автором афиши «Кабинет восковых фигур» и Ф. С. Глинка, приписав ее Некрасову (Н15, 1, 676), оговорил поэта?

Еще более едкий отзыв на «Кабинет...» напечатан за две недели ранее в «Русском инвалиде». Приведу его полностью: «Вы, вероятно, знаете галерею восковых фигур г. Шульта (так.— Б. М.) на углу Литейной и Невского проспекта. Не угадаете ли, к какому средству этот г. Шульц прибегнул для привлечения посетителей? К поэзии! Какая-то послушная лира возмела всех этих восковых героев и героинь; недавно к нам принесли афишу величиною с добрый фуляр и на ней сверху донизу в пять столбцов мелким шрифтом напечатаны стихи. Боже мой, да это целая поэма! Не угодно ли послушать:

¹⁰ Там же. 12 апреля. № 14. С. 254.

¹¹ Литературная газета. 1844. 1 января. № 1. С. 23.

¹² Там же.

А этот просто тучело,
Стоит такой смешной,
В старинной шапке с бантиком,
С небритой бородой,
Стоит да ухмыляется,
Как лошадь на овес,
Да так и заливается,
Такую дичь понес,
Какой-то вальс чувствительный,
Орган его поет,
Ну, просто так разительно,
Что всякого проймет.
Из воску весь составлен он,
А как живой стоит;
Одно мне в нем не нравится:
Совсем не говорит.

И размер стихов, и манера, и остроумие — все это что-то такое нам знакомое. Мы где-то встречались с этим поэтом; мы где-то слышали эту лиру. Это та самая лира, которая поздравляет вас с новым годом, славит доброту вин в погребке Гордона, служит разносчикам афиш, иногда напевает водевильные куплетцы, иногда, чего доброго, втирается и в некоторые из наших журналов... Послушайте еще:

Здесь жертва варварства и зверства
Великой нации детей
Погибла средь своей столицы
От рук подвластных ей людей.
То рень Мари Антоанет,
Ее убили в цвете лет.

Ведь есть же люди, которым досуг писать вирши, а вероятно, найдутся и такие, которые, прочитав эти стихи, нарочно пойдут в галерею г. Шульта и станут там любоваться Реньею Мариєю Антоанет, — и г. Шульд достигнет цели!»¹³

Итак, фельетонист «Русского инвалида» узнал автора афиши «Кабинет восковых фигур» и, не называя его имени, дал легко узнаваемый петербургскими литераторами портрет этого автора: тот, кто печатает стихотворные поздравления с Новым годом, служит разносчикам афиш, «иногда напевает водевильные куплетцы» и порою «втирается» в журналы...

Мне известен этот автор. Я расскажу о нем в следующей главе.

¹³ Русский инвалид. 1843. 19 декабря. № 285. С. 1139.